

Золото

Татьяна Иванько

Золото. Том 2

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Иванько Т. В.

Золото. Том 2 / Т. В. Иванько — «ЛитРес: Самиздат»,
2018 — (Золото)

ISBN 978-5-532-95937-8

Встреча двоих, принуждённых стать супругами, вместе править царством, придвинутым к бездне. Толкнут они своё царство во тьму или станут мостом к спасению. Найдут врагов друг в друге или станут настоящим оплотом для своего народа и будущего? Предубеждение и даже отвращение окажутся побеждены долгом перед Великим Севером или растворятся во взаимной любви? И куда приведёт Белогора вечное и непреодолимое стремление к познанию неведомого, к любви, оказавшейся под запретом. Великого жреца всё это приведет к предательству или заставит отречься от самого себя? Избранность, царская кровь и трон - это дар или испытание? И захочет ли героиня пройти его? Выберет долг, продиктованный кровью, содержащей магию веков и секрет власти, или свободу, в которую её насильно вытолкнули ещё ребёнком?..

ISBN 978-5-532-95937-8

© Иванько Т. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть 6	5
Глава 1. Сила	5
Глава 2. Чудная ночь	11
Глава 3. Утро вечера...	17
Глава 4. Охота	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Татьяна Иванько

Золото. Том 2

Часть 6

Глава 1. Сила

Я открыл глаза, где я... чёрт... Тут пахнет нашим домом, нашим с Онегой... Нет... она не Онега. Она – Авилла... Авилла...

Лай-Дон наклонился надо мной, лицо озабоченное, бледное.

– Очнулся? Вставай, давай! Увезли её!

Я попытался сесть. Увезли... Я привёл их сюда... Прямо сюда. Сказал: я сват... Я отдал её.

– Доня, – я назвал Лай-Дона так, как называет его она.

– Уже закат, ты весь день без памяти, этот раззолоченный жрец каплей тебе в рот влил, нарочно, чтобы ты не мог за ними погнаться...

Он бледный и красные вихры впервые кажутся мне такими яркими, прямо режут глаз.

– Доня... что гнаться, я её сам... Сам отдал. Ещё в Солнцеграде... и ей сказал, что... – я сел, опустив ноги на пол, которого я не чувствую, сильно кружилась голова, даже качается вся горница. Здесь ещё её, Онегин запах... её самой нет. Но её и не было. Никогда не было. Она была Авиллой, а не Онегой...

– Они опоили тебя чем-то? – продолжает Лай-Дон.

– Что? – я посмотрел на бледного Лай-Дона. Он, похоже, напуган. Опоили? Чем?.. Нет...

– Всё равно! Догнать надо, вернуть её! – он дёргает меня, заставляя подняться.

– Вернуть?.. – я посмотрел на него. – Кого вернуть, Лай-Дон? Онегу? Её Нет, и никогда не было...

– Не было?!.. Одурел ты что ли?! – задохнулся Лай-Дон. – Что, в Солнцеграде вместе с Великсаем и мозги похоронил?! – он смотрит на меня, как на умалишённого.

– Она не Онега, она – Авилла.

– Ну и что?! Что изменилось? Руки, ноги, глаза, голос, живот, грудь... что другое? Или душа стала не той? Сердце? Ты не царевны искал в ней!

– Не искал... но нашёл.

Лай-Дон вскочил, забежал по большой горнице. Вошла наша хозяйка:

– Ужин, однако, готов, снедать-то будем?

Мы оба так посмотрели на неё, что она вышла, побледнев. Но Лай-Дон хотя бы остановился, а то у меня уже рябило и дрожало в глазах от его беготни:

– Ты что, решил к Вее вернуться? Что за эти сорок дней позабыл невесту, и обратно к прежней жене? Очень правильно!

Я взглянул на него снизу вверх:

– Ты что от меня хочешь? Чтобы я Орика убил и взял себе и Онегу и царство?!

– Да не знаю я, Яван! – кричит он. – Я не ты, я только твой раб, она тебя любит или меня?!

Я опустил голову. Я никогда о короне не думал, я самый младший из полутора десятков детей моего отца... А если бы я знал, что Онега царевна, захотел бы я сделать то, что сейчас сказал? А если бы она этого хотела?.. Достало бы мне сил и решимости всё это проверить? Найти союзников, переманить на свою сторону войско, северян...

– Просто забери её и увези в степь, к южным морям, неужели мало на земле мест, где вы могли бы... – перебил мои мысли Лай-Дон.

Я сжал голову: так и надо было сделать. Так и надо было, просто забрать и уехать. Она поехала бы, её ничто не держит... Если бы они не взяли меня в оборот, эти чёртовы жрецы: «Она должна стать царицей, а ты не можешь быть царём»... – это и билось в моей голове, это заполнило мой мозг, вытеснив всё... Онега...

– Седлай!

Солнцеград... Я совсем иным помню этот город, совсем не таким я вспоминала его. Вот Белогор совсем такой, как я помню, Доброгнева тоже, только тот Белогор не целовал меня раньше в губы и не забирался ладонями под платье, ему там нечего было искать, а та Доброгнева была стройнее и добрее ко мне, а не к нему. Или так казалось мне.

Что ж, столица Великого Севера раздвинулась, принимая меня обратно... Плавно, по до блеска утрамбованному снегу, мы въехали на двор царского терема, на площади я увидела, вовсю идут приготовления к свадьбе, вот спешат-то... Неймётся молодому царю, с чего?

– И когда обряд? – спросила я, взглянув на Белогора и Доброгневу.

Они посмотрели друг на друга, по двору, и в самом тереме суета, будто прямо сейчас и начнут... Я обернулась, Белогор заговорил с каким-то высоким, ещё нестарым, но уже седовласым человеком, тоже стриженным и почти безбородым, каким приехал Яван. Это у них, сколотов, траур так отмечают, за сорок дней немного обросли... Белогор и этот седовласый направились к нам.

– Это Явор, дядя царя Орикса, царевна, – представил его Белогор, а тот склонился, почтительно взглянув снизу вверх, голубые глаза навывкате слегка, он красивый, в общем. Губы красные сухие, нездоров он, надо сказать потом будет, пару слов.

– Царь Орикса приказал сразу по твоему приезду начинать свадьбу, сказал Явор приятным грудным голосом, голоса у них семейное, похоже.

– Что ж так спешно, крыша, что ль, горит у царя твоего? – усмехнулась я. – В баню с дороги хотя бы позволено пойти невесте?

Явор немного опешил от моей нарочитой развязности, посмотрел на Белогора. А что вы ждали? Меня бритой проституткой выгнали с этого двора. Получайте, что искали...

Белогор тронул меня за плечо, но я вывернула его, это же надо, и дня погодить не могли, сначала гнали из Ганеша, теперь сразу за свадебный пир. Даже опомниться не дают, и Доброгнева будто знала...

Нет, она не знала, и Бел не знал, но тут после похорон Великса, в Солнцеграде на площадь выходили, мутили народ, кричали, что молодой царь холостой распутник, что Великому Северу такой царь неместен, с ними сцеплялись сколоты, и всё это нарастало с каждым днём, чем дальше, тем больше, угрожая перейти в настоящий бунт и смуту с расколом народа и войной стихийной и бессмысленной.

За эту седмицу, что проездили за мной, изменилось так много, что тянуть с женитьбой оказалось уже никак нельзя. Почему-то в народе уже никто не помнил, что её стали мертвой много лет, теперь всем казалось, что её лишили власти именно проклятые захватчики, и если не восторжествует справедливость в виде возвращения её на принадлежащий ей по всем людским понятиям и законам трон, то кровь польётся рекой.

Вот и спешили. Не зря смерть царя это всегда чёрные дни...

Всё это мне рассказывала Доброгнева, пока меня, пришедшую уже из бани, расчёсывали и одевали девушки-прислужницы, исподволь с интересом разглядывая. Оказалось, я стала легендарной личностью, просто проотсутствовал несколько лет и оставшись в живых.

Так что, я нужна не только царю Ориксаю, но и всему царству во имя единства, а значит и продолжения существования. Быть может, возрождения величия нашего Севера. Чёрт с вами, сколоты, всё же вы когда-то вышли из наших снегов тоже...

Надели на меня первое платье, белоснежное, с вышивкой белым по белому. Невесту как к смерти обряжают поначалу, в известном смысле это и есть смерть – замужество, отречься от всего, что было до мужа и начать жить сначала... Вот только мужа я даже не видела толком. Спасибо, хотя бы молодой, не старик, хотя какая разница, к смерти приготовили...

Я смотрела на себя в зеркало, всё бело, меня почти не видно под этим одеянием, козу одеть могли бы никто и не заметил разницы, сейчас ещё лицо закроют белой фатой. Только кончики волос и остались видны от меня. И называюсь я теперь невеста.

Жених примет меня, должен бы от отца, но за неимением, от Доброгневых, потому что Белогор станет проводить обряд над нами. Примет жених, и введёт в шатёр, где меня переоденут в богатое платье, расшитое красным, с берегинями, коловратами, сварогами, и всеми знаками женского плодородия, вроде окошечек и ромбов орпеев, пока пустых, никто ещё не засеял поля... Богатые украшения обовьют мне шею и запястья, отяготят мочки и лягут на чело. Но фату мне оставят, ведь я не жена ещё, но уже веста, ведь жених уже видел меня и не отверг, а значит, к утру стану я ему женой...

Ком из слёз разочарования и боли подступил к моему горлу. Я должна была к Явану идти в таком наряде... Ванюша... Разве я тебя не любила? Но как глупо сейчас думать об этом, от меня, оказывается, зависит жизнь и благополучие всего царства, всего Севера, пора вспомнить, чему меня учили, к чему готовили с рождения, и что я старательно забывала семь лет...

Скрепи сердце, Авилла, стальными обручами. У царицы не просят любви...

Белогор поёт своим красивым голосом брачную песнь, она летит над площадью. Сквозь густую фату я почти ничего не вижу, даже куда идти, хорошо, что ведут...

Сейчас Белогор кольца нам на руки наденет...

Вот рука царя, ну, что же, бери, никуда не деться...

Я не видел невесты и сейчас не могу разглядеть даже фигуры, только что она довольно высокая и волосы – концы болтаются из-под фаты, белые, почти не видные на белом платье... Пальцы тоненькие холодные, фу ты, вот лягушка! И худая, судя по пальцам этим хрупким, чёрт, терпеть не могу тощих баб, что с ней этой ледышкой болотной делать?! А впрочем... какая разница, лишь бы все успокоились и перестали во всё большем количестве ходить на улицы Солнцеграда и провоцировать моих скотов на драки, каждое утро кровавые пятна на снегу всё прибавляются...

Вот надо же, неугоден им холостой царь, хотя, конечно, не положено пустым царю быть.

Интересно всё же... поэт, конечно, с восхищением писал о ней, но я такой красоты не понимаю, вся эта стройность и тонкость, женщина должна греть и рожать, а что я с этой стану, жаровню в кровать ставить? Бог Папай, и ты, Апи, и Табити, посмеялись вы надо мной... За то, что я так Север полюбил, что почти отошёл от вас? И-эх... Замёрзнешь к чёрту, палка-палкой. Заноз не насажать. Мне стало смешно. Не могла потолстеть за столько лет, в голоде жила что ль?.. Хотя, может и в голоде, кто её знает, кто вообще знает, как она провела эти годы? Да и не знать бы никогда, ну её...

Честно говоря, вся эта спешка, усмирение ежедневное недовольных так утомили меня, что я думать уже мог только об одном: как бы выспаться... А мне ещё сегодня надо вспахать борозду через площадь, показать, что я молодой и сильный, что я могу пахать и сеять. А ещё убить белого быка – это жертва Солнцу, чтобы брак мой был плодovit и благополучен, а царство процветало во веки веков. И убить, не пролив и капли крови... Всё это испытания восшествия на престол, они же свадебные. Но вначале символическое: натянуть тетиву на отцовский лук.

Забрали теперь хладнопалую весту в шатёр, пока выйдет, чтобы за свадебный стол сесть со мной и сотнями гостей, среди которых горожане, купцы, даже жители окрестных деревень, вперемешку сколоты и северяне, нарочно, чтобы прекратись вражду, ведь мы соединяем сегодня две древние крови благородную – Севера и горячую – скелотов.

Чтобы вспахать мёрзлую землю в середине зимы, нужны не просто силы... И это, конечно, понимают все, кто смотрит на меня. Вот чёрт, что же эту Авиллу летом не нашли...

Земля как камень, сердце сейчас надорвётся, мускулы на пределе, но отступить нельзя, весь город, весь мой народ, весь Великий Север смотрит на меня, сдюжу или нет. Я пробовал плуг и не один раз, с тех пор как мы пришли на Север и обнаружили тут земледельцев, я просил пахарей научить меня, чтобы знать каково это – идти за оралом, царю полезно это знать, как и труд кузнецов, столяров и плотников, если бы не этот давний опыт, я не справился бы сегодня. И... Я смог, правильно выбрав угол, под которым плуг вошёл в землю, рассчитав силу нажима, всё же пройти проклятую борозду... Несмотря на мороз, пот ручьями катит по моему телу, волосы намокли, замёрзнут в сосульки сейчас...

Но окончание пахоты венчают приветственные крики тысяч зрителей, сначала единичные, но, подхваченные дружно скелотами, и за ними и северянами тоже. Знали бы, каких усилий мне это стоило, вопили бы так, что вытрясли бы весь снег из хмурого неба!

Я ушёл, чтобы смыть пот и снять рубашку, против белого быка положено выходить обнажённым, прикрыв только срам, люди должны видеть, что поединок честный, что ты не прячешься ни в рукаве, ни в сапоге ножа или стилета, быка надо убить без крови. Это два способа: ударом кулака в лоб, в этом я не был до конца уверен, или удавить поясом...

Я не знаю, видит ли Авилла царя из шатра, но зрелище достойное. Я, как женщина, испытала волнение и удовольствие, наблюдая, как надуваются мышцы на стройном теле Орикса, когда он шёл за плугом, и ведь никаких поддавков, никаких символических актов, всё заправду, пашет мёрзлую, поблескивающую инеем на изломах, землю, её только что от снега расчистили и всё, я смотрю и думаю, а если не справится?

Или нарочно ему нетронутую целину открыли? Могли же взорваться накануне, чтобы не убивался молодой царь на этой борозде, нет, всё оставили как есть, вот как взъелись, не на шутку. С Белогором надо поговорить, что он думает, кто это так воду вдруг взмутил, неужто стихийно всё?

– Если после свадьбы этой утихнет, значит, стихийно было, без заговора, – скажет после всего Белогор.

И я приму это к сведению...

Но ещё лучше, когда Орик вышел против быка... Стройный и тонкий, но сильный, в штанах, закатанных под коленями, босой, ничто почти не скрывает наготы царя. Что ж, Ориксай, если победишь и быка... Его тело совершенно, он гибкий и ловкий, а бык огромный и матёрый с горлом в два обхвата... Дети от них с Авиллой должны быть под стать богам...

Бык свежий, голодный и злющий, может, кто-то хочет убить меня? Это вспыхнуло меня в сознании.

Но кто?

Кто-то из северян?..

Или из наших, из скелотов с претензией на трон?

Но кто?! Кто?

Явор, никогда он не проявлял интереса к трону, всегда в тени братьев, даже младшего, Явана, самого Явана вообще нет здесь, как уехал к своей невесте в Ганеш, теперь вообще не дождётся.

Тогда кто? Из моих воевод? Который? Но воеводе надо будет все царский род известить, слишком сложно...

Из северян? Авилла не могла успеть сплести заговор за три дня, что ехала от Ганеша, она даже не знала, что свадьба будет, едва она приедет.

Или это кто-то из тех, кто рассчитывает убрать меня, а со мной и всех скотов, устроить тут резню, чтобы на троне осталась только их царица... То есть царица теперь?

Так нет – обряд ещё не кончен, она ещё не стала царицей...

Хотя надо ли им это? Главное, что меня не будет, а она есть, на что им этот брак, особенно довершённый? Ещё ребёнка моего понесёт, нет-нет, вот так и надо, чтобы я, узурпатор, подох тут принародно, вроде сами Боги против моего воцарения над их Севером, а законная наследница, вот она, здесь... И ведь я сам и разыскал её... На свою голову, выходит.

Ну, так не устрою я вам праздника! Кто бы за этим всем не стоял, Белогор ли, хитрый лис, или иные люди, тайно проводящие свою политику и ожидающие момента выйти на свет и заявить воцарившейся правительнице, что они способствовали её возвращению на трон и избавлению от скотов, но им всем я удовольствия не доставлю...

Упрямство и воля побеждать, да ещё злость на неведомых пока врагов, вернули мне силы и я, перестав уклоняться от рогов, вскочил быку на громадный загривок, вмиг обмотал поясом от штанов, задница обнажится теперь, конечно, но... не ослепнет, небось, никто... Я дважды затянув удавку просунув под веревку ножны от ножа, только и позволенные на поясе, и стал затягивать. Бык, не сразу поняв, что происходит, мотнул головой, пройдя в пальце от моего лица острыми рогами, ведь даже рогов не сточили!..

Я отклонился, пропуская рога, и ещё крутанул рывком мою удавку. Только тут бык и понял, что погибает, попытался сбросить меня, но я сегодня умирать не собирался, поэтому, сжимая бёдрами его громадную шею, прокрутил ещё и ещё раз, бык повернул голову ко мне, падая на колени, будто хотел запомнить своего убийцу... глаз его, обращённый на меня, налился кровью и начал стекленеть...

Он упал уже мёртвый, а я соскочил с него, чувствую себя почти таким же мёртвым от изнеможения...

Восторженный ор поднялся над городом и стал мне заслуженной наградой. Люди кричали моё имя и просто орали, бросая шапки вверх. Казалось, само небо орёт мне: «Ориксай Герой!»

Что ж, эти мгновения стоили моих усилий. Интересно, царица эта ледяная видела мою победу?..

Нет, я не видела ничего, могла бы подглядеть, конечно, но мне не хотелось вообще смотреть на него. То злость, то усталость одолевали меня, проклятый Доброгневин отвар всё ещё бродит в моей крови, ненавижу все разновидности дурмана, никогда не знаешь, когда и каким концом он ударит тебя...

Вот сейчас меня одолевают сонливость и равнодушие, я слышу будто сквозь туман, крики приветствия Ориксаю, что-то сделал, знать, наши так редко орут, но даже посмотреть мне лень.

– Ух, ты, свалил быка-то! А все говорили – не сможет, говорили, такого ему бешеного подведут, убьёт и дело с концом! – шепчутся девушки, выглядывая из-за полога шатра.

Я подошла к ним, посмотрела из-за их спин в раскрытый полог шатра. Посреди площади Орикса, почти голый, придерживая сваливающиеся штаны, поднял свободную руку и будто небо ударил кулаком. Он... высокий и очень стройный, очень сильный, очевидно – буграми мышцы, лоснящаяся от пота кожа, блестит при начавшем уже потихоньку угасать дне, пар идёт от него на морозе. Сколько ему, двадцать? Такого зверя завалил... – бык громадный у его ног... как это он смог?

Но не это главное, главное, я услышала в разговоре девиц: заговор устроили против молодого царя, и хотя он сам мне противен до предела, но даже я не хочу его убить, за что так

жестоко с ним? Такой стоит там, один посреди площади почти обнажённый перед своим народом, честный перед ними всеми, этими людьми, и убить его?.. Нельзя убивать царя. Царь от Бога приходит, поднять руку на царскую кровь пойти против Бога...

Но ведь это не всё. А важно вот, что ещё: тот, кто злоумышляет против него, меня хочет под себя забрать... Скажут: мы тебе трон освободили, бери мужем кого хочешь, но будь добра наши интересы теперь блюди. Рабство они мне его смертью готовят! Вот что!

Кто это?!

Надо подумать, оглядеться и понять... И царя побережь, пока он жив, и я царица как царица.

Вот кто это? Вряд ли сколоты. Или очень хитрые сколоты, кто про Явана узнал. Нет, не похоже, нелогично... и слишком быстро, всего седмица... Но у них своя может логика быть, подумать, подумать надо... Как жаль, что мозг неповоротливый такой от зелья, я сегодня бы из-под фаты своей разглядела всё...

Однако мысли всё же зашевелились, заработали, кровь быстрее побежала по моим венам, выходить пора, жених зовёт свою весту за свадебный пир...

Это финальная часть действия. Авилла выходит из шатра, но теперь в богато украшенном одеянии, сплошь расшитом красным и золотым, в золотом кокошнике поверх фаты, запястья в браслетах, монисто и ожерелья позвякивают при ходьбе, вместе с серьгами и колтами... и пальцы её теплы. Уже приятнее, может, видела, каким я героем вышел из испытаний? Вон как кричали все, понравился ей, коли потеплела? Но ещё неожиданнее и удивительнее оказалось вот что: когда мы шли к столу, я вдруг услышал её голос из-под фаты:

– Слушай, Ориксай, за столом не пей и не ешь ничего. Невыносимо будет, из моего выпей кубка.

– Авилла?.. – вот это да, догадалась тоже о чём-то? Тощая палка, а голова, видать, работает... так, стало быть, не так зря я шлюху эту в жёны взял?

– Слышал что ль? – прошипела она, чуть пожав мою руку пальцами.

– Тебе что за интерес? Ты почему не с ними? – ответил я.

– Не болтай, подумай и поймёшь. Всё, молчи, не показывай ничем, что догадался, у них сегодня час истины, когда ещё такой момент представится...

– Знаешь, кто?!

– Пока нет... Молчи ты! Услышат, нож в бок всадят и конец! – почти прорычала она.

Мне страшно хотелось пить за столом, я делал вид, что поднимаю кубок, когда произносят за здравия, даже изображаю, что пью, но послушав свою умную жену, не сделал ни глотка.

Прослушав троекратные поздравления и пожелания многих детей и приумножения богатства, мы удалились в опочивальню. Наши покои состоят из нашей спальни и прилегающих с двух сторон комнат для челяди, её и моей. Сегодня пусто здесь, никакой челяди до утра не будет, только помогут царице снять верхнее платье и украшения и уйдут все, оставив нас...

Глава 2. Чудная ночь

Я ещё не видел её и уже был во власти предубеждения: она спала с братом, конечно, он виноват больше, но и она не могла не понимать... и потом, столько лет таскалась где-то по стране, какую жизнь могла вести женщина, когда она вне дома... Но эти речи её во время свадьбы немного смягчили моё неприятие. Конечно, шлюха, но хотя бы не дура. И на моей стороне. Может, временно, пока не разберётся, какую позицию ей выгоднее занять, но...

Ложиться с ней в постель, мне не хотелось. Мне этого сегодня вообще не хотелось. Я устал ещё до всего, за эту безумную неделю бесконечных волнений в городе, потом все эти действия, что вымотали бы кого угодно. А в довершение, чёткое осознание, что рядом со мной опасность, если даже она почувствовала её.

Какая там любовь? Сделать всё побыстрее и спать, наконец. Или... Может, не делать вообще?

И тогда она решит, что я слабак и рухлядь, с быком поборолся и весь выдохся?.. Надо, наверное, всё же... первая ночь...

Чёрт подковёрный... вот ерунда свалилась.

Спальню убрали лентами, душистыми сушёными травами, светильников столько, что светлее, чем днём, на что мне, спрашивается, глядеть?..

Но я гляжу, что поделать, жена теперь. В одной рубашке из тонкого льна, расшитой целым позументом из сварогов, пустых орепеев и молвинцев, оберегов рода, она совсем тонкая, слишком высокая... что там обнимать-то... ох, вот же невезенье, всё сразу навалилось...

Я вздохнул: «совершенство творения»... каждому своё, конечно, кому сочная груша, а кому свиной хрящик.

Волосы, правда, хорошие, волшебные даже, какие-то лунные, с отливом. И пышно крупно вьются, прямо облако... мягкие, интересно? Или такие же, как сама – сухая колючка? На что она мне сдалась...

– Так почему ты всё же решила, не дать меня убить сегодня? – спросил я, глядя на неё от двери.

Авилла обернулась, взглянула на меня, не смущаясь, не робко, обыкновенно, будто мы в спальню эту десять лет заходим... Села на край кровати со своей стороны.

– Просто всё. Убьют тебя, меня сделают своей рабыней. Я рабыней никогда не была, тем более царице быть рабыней нельзя. Сама для себя – выбирай что хочешь, но царь или царица – это весь народ, нельзя сплеховать и сдаться.

Вот те раз... Ну и речи. Мне как-то даже не по себе. А может, я приобрёл всё же в её лице?..

– Ишь, ты... поэтому согласилась за меня пойти? Или я по нраву тебе? – усмехнулся я.

И вдруг подумал: у меня были только мои женщины, те, что до меня были девственницами, никогда ни одной чужой я не брал, ни чужих жён, ни вдов, ни шлюх тем более... а эта...

– По нраву? Ещё бы, в задницу твою красивую, которой ты сверкал на площади, влюбилась! – усмехнулась она, мотнув волосами по спине, концы стелются по постели вокруг её зада... Ох, какой там зад, Боги, ничего нет, одной ладонью накрою своей, ну, если пальцы растопырить – точно... неужели покрасивее для меня не могли царицу припасти, вот горе-то... лядащая шлюха, чёрт, и не хочется нисколько...

Я сел рядом с ней, стараясь держаться деловито и уверенно, впрочем, чего другого, а уверенности мне терять было не с чего. Может потрогать, тогда, зашевелится во мне что-нибудь? Вообще с этими пашнями и быками, все мускулы и поджилки даже во мне растянулись и подрагивали сейчас... И она поняла, похоже... или почувствовала? Посмотрела на меня и сказала негромко и мягко даже:

– Тебе это надо сейчас? Ориксай? Ты может... Может, поспал бы лучше, а?

Нет, этак заводит, вот если бы ластиться стала, я бы точно ничего не захотел бы и не смог.

Я положил ладонь ей на бедро, провёл вдоль: тонкое и твёрдое, длинное, никакого тебе мягенького жирка, никакой приятности, вообще вроде моего – из одних мышц, только намного тоньше и коленка острая...

А может она не женщина? Мужик!.. Ну, или, вернее, парень, поэтому и умная такая?

Поддавшись этой безумной мысли, я сунул руку ей между ног так неожиданно, что она охнула, отпрянув, отбрасывая мою ладонь. И вскочила даже.

Да нет, выпуклый лобок и мягкая влекущая ложбинка, никакого мужского причиндала нет там и в помине. Значит, женщина всё же... бывают и такие. Что же, между ног у неё вполне притягательно, не хуже, похоже, чем у всех... у меня приятно разлилось тепло по животу, предвкушение всегда дарит наслаждение...

Я встал тоже, она отходит, играет, что ли? Или не хочет меня? С чего это? Разве шлюхи не хотят?

Вот и стена, далеко ты собиралась уйти-то, Авилла? Я прижал руки к ней, ладонью на грудь, за ворот рубашки, к соскам... вся она твёрдая, гибкая, вся будто струны или тетива...

И вдруг за волосы, оставшиеся длинными на затылке, схватила меня, отклоняя мою голову назад, я рванул, рубашку тоже рванул на ней, обнажилась кожа, острые хорошенькие груди, розовые маленькие соски, как ягоды, живот совсем плоский, пупок ямкой, кончик мизинца войдёт?... Оттолкнула с силой меня, так что я и разглядел всё это...

– Ты чего?! – опешил я.

Вот те раз, бабы всё же дуры какие-то, то она тебе жизнь спасает, а потом тебе же, мужу, отказывает. Мало мужу, царю! Да ещё дерётся! Дура, как есть.

– Ты... отдохни, Ориксай, – тихо пробормотала она, прикрываясь обрывками рубашки и отпустив мои волосы.

Нет, она что, шутки, какие, затеяла?

– «Отдохни»? Взбесилась, что ли? На черта тогда жизнь спасала мне? – я потёр затылок, всё же больно за волосы рванула.

– Ну, не на то, чтобы сразу ноги раздвигать...

– А чего ещё ждать-то? Ты мне жена, вроде?

– Ну и что?!

Я аж задохнулся:

– Как это, что?! Ты что, шутишь, что ли, со мной? Или у вас, у шлюх принято в игры играть?

Она побледнела немного, губы поджала:

– У тебя жён-то хватает, вот и иди к ним, услаждайся, коли невтерпёж!

– Вон что?! – я начал по-настоящему злиться: – Ты не смей царю указывать, с кем услажаться! Ты мне жена, ты обязана!

– Обязана? Ты шлюхой меня называешь, чёрта лысого я тебе обязана! Видала я таких!

– Так ты ведь шлюха и есть! С братом своим спала! И ещё, может с тыщей...

– Чего там с тыщей, с пятью! – закричала она, белея и выпрямляясь, будто я плетью её протянул.

И свою плетью достала и ка-ак:

– Ты кто такой?! Царь, гляди-ка! Ты в терем моих дедов забрался, царь сколотов! Степняк, кочевник! – она с цвыканием сплюнула на пол, сквозь зубы, презрительно задрав губу!

Как наглый пацан, врезать бы! А она продолжает:

– Ты на войлочном полу родился, а я дочь тысячи поколений царей, потомков Бога Солнца, золотая кровь, и не тебе меня подминать!

Ну, это я вам доложу! И после этого, я не возьму её?! Я прыжком бросился к ней, толкнул ладонями в плечи, прижимая опять к стене и сдирая остатки рубашки, но тут же получил кулаком в подбородок, отрезвляющий, надо сказать, удар, это она не сильно двинула, видно, что умеет приложить и по настоящему.

– Да ты что... – я отпустил её невольно, потирая подбородок.

– Ещё полезешь, зубы выбью! Или глаз! – прошипела она.

– Да ты... Сдурела совсем?! – заорал я и рубанул кулаком в стену над её головой, так, что посыпались мелкие щепочки-пылинки... она и не моргнула – ничего не боится. Любой мужик вздрогнул бы от моего рыка... Пылинки оседают на её и моих ресницах и лице...

И вдруг... у меня даже сердце остановилось на мгновение – я будто увидел её. Как будто только сейчас фата и спала. Вот только сейчас... совершенство красоты и чудо творения... Я задохнулся, потому что и дышать я тоже забыл... Чудо творения, чудо, правда. Не обманывал поэт безвестный. Совершенное лицо, чистый высокий лоб, брови двумя шкурками светлых соболей над необыкновенными глазами, в одном тёмная-тёмная синь, как вечернее небо, когда не зажглись ещё звёзды, такая глубокая, что я ухожу в неё весь душой всей и телом, со всеми желаниями моими и мгновенными, и вечными... а в другом – прозрачная вода родника, светлого совсем, и чистого, прозрачного до дна, только где то дно?... Тонкий прямой нос, ноздри дрогнули, приоткрылись губы, краснея почему-то, и румянец вспыхнул розой весенней... и пахнет она... Ах ты... совершенство красоты, вся она необыкновенно, невиданно прекрасна, почти нечеловечески, вот я и не понял... привык к обычным людям... поэтому и хватать её взялся, а то и не посмел бы.

Мне волной жара окатило сердце и этим жаром там осталось. И жжёт... Но что это? Я такого не чувствовал никогда...

...В это мгновенье и я разглядела его, когда он остановился вдруг, изумлённо глядя на меня. Весь светлый, золотистый, брови только что хищной птицей взлетели от злости, и вдруг опустились, удивлённо округлившись, свет зажёгся в его глазах, он моргнул, как-то по-детски, приоткрылись удивлённо губы, под золотистой щетиной неотросшей бороды...

И ещё... я ощутила, вдохнула, как дурман, аромат его горячего тела, такой... аромат силы, запах огня... Жар шаром разрастается внизу живота, раскрывая лоно, захотел бы он сейчас, я отдалась бы ему с вожделением, которого не знала ещё, и, сгорая в экстазе... Но он больше не захочет... не захочет... Напугала, дура бешеная...

Провёл только ладонью по моему лицу, смахивая пылинки, едва касаясь, тронул кончиком большого пальца ресницы, будто поцеловал... Не убирай руку, Орлик... Ты – Орлик, даже сокол, рарог, никто не видит?... Убить ещё хотят... вот такого, ясного, всего из света...

Отяжелели коленки, сейчас упаду... Не уходи... Я не злая, я просто... Я не знаю... не знала тебя...

Он отошёл, глянул ещё раз, молча, из-за плеча, снова, будто желая убедиться в чём-то... и вышел, дрыцнув железками петель и ручки на двери.

Ох... я опустилась на пол, собирая лохмотья рубашки, надо же, выгнала мужа из спальни, «выбью глаз», дура какая... вот привыкла сражаться, чёртова дура... Мужа, которого хочу так, что не могу стоять на ногах... куда пошёл-то?

В царёвы «соты» свои, куда ещё... вот к утру говорить-то будут... сама же и послала его туда, ох, Авилла, что натворила-то?..

...У меня горел и лоб, и чресла и живот и грудь. Сердце горело огнём, кипятком. Я не чувствовал такого никогда, я не знаю, что со мной, куда мне с этим, к ней бы, в эту самую тёплую ложбинку её, там огонь этот остудить или сгореть совсем... Да куда там – «выбью глаз». И ведь выбьет, небось, проделывала не раз...

И что делать, что мне с огнём этим делать? И куда бегу?... Я опомнился у Агни. Она, надув губы, сложив руки на груди, раздувшейся молоком, фыркнула, увидев меня:

– Что, молодуха ласкать не умеет? Ты ей столько золота, платьев, подарков, а она так и не сделала, как ты любишь?

Я сел на кровать, посмотрел на неё, такую, как я думал, близкую, а она так далеко, не понимает совсем ничего, вон Авиллу знаю час, и поняла, что устал я, и что убить хотят... Хотя, не приласкала, это правда... Но ведь в первый раз видит меня, женщина же она, что же сразу... Вот и шлюха тебе...

Надо же и думать ни о чём не могу другом...

А ведь мне ни разу не отказывал никто. Все рады были услужить царевичу. А родная жена, самая настоящая жена, Богом Солнце благословлённая, с кольцом на руке, отказала, да ещё и врезала и обругала...

С ума я сойду сегодня с бабами этими... Агня продолжает пилить и пилить про подарки что-то снова, что я ничего не дарил давно, может, и правда, давно не дарил?..

Я посмотрел на неё, она на сносях уже и ей и Лилле рожать вот-вот, для чего я пришёл-то? Думал в прежний свой уютный и спокойный мир вернуться? Где меня не пытаются убить, где нет необыкновенных необъяснимых женщин, необычайно близких как никто ещё не был, до сумасшествия желанных и таких недоступных...

Я поднялся. Я этот старый мир не хочу. Я хочу новый, тот, что в тереме остался...

Я направился к выходу, вызвав бурю в Агне, она кричит что-то визгливым голосом, вроде того, что моего сына, а она убеждена, что носит сына, вытравит. Не в первый раз пугает это сделать...

Я иду всё быстрее, почему я спешу? Я хочу опять увидеть Авиллу, мою жену, мою царицу... Ладонь помнит нежную гладкость её кожи... пальцы, звонкую гибкость её тела, а глаза – лицо... опять увидеть... Хотя бы увидеть, всё время видеть, каждый миг...

Я почти вбежал в спальню, она обернулась с кровати, на которой сидела, и сразу поднялась, какая-то простая рубашка на ней, и волосы в косу заплела, сразу вся кажется ещё меньше, чем есть, и моложе, как девчонка...

Я замер на пороге, не похоже вроде, что прогонит... смотрит мягко, глаза не жгут... Нет-нет, греют. Греют глаза и притягивают даже.

– Ты... ты прости меня, Авилла... – проговорил я, как же это хорошо, смотреть на неё...

– Это ты меня прости, Орлик, я... – мягко говорит она.

Я моргнул опять:

– Орлик?... Ты... Почему «Орлик»?

Она улынулась, опустила ресницы, краснея как свёкла:

– Ну... это я... – пробормотала смущённо. – По-моему... По-моему, тебе подходит, ты... такой... ну... Ты... Позволишь звать тебя так? Не рассердишься?

– Дак... – я смутился тоже, что, неужели, правда, понравился я ей? И когда? – не горшком вроде и не собакой... зови, что ж... А я... шлюхой обзывать не стану тебя больше, – хмурясь и смущаясь ещё сильнее, проговорил я, отворачиваясь.

– Я... – она вздохнула, хмурясь и краснея, отводя лицо, – я не шлюха, не было этого, но и... не девушка, Орлик.

– Ну... я знаю. Только... всё равно, прости, не буду, раз... да и... ох...

Я вздохнул, говорим как два дурака:

– Слушай, а... А может спать как-то будем?... – и спохватился, что она не про сон подумает опять... – Я имею в виду... Я от усталости сегодняшней... А спать царю не в тереме невместно, узнают, что прогнала меня, сама понимаешь... и так со свету сжить хотят.

– Да ещё жена такая дура попалась... – смущённо засмеялась она.

– Хочешь, я у челядинов лягу?

– Не надо у челядинов. Ложись, как положено... Только...

Я посмотрел на неё, вот испытание-то...

– Не буду я, – пробормотал я, опять сгорая от румянца, – насильно не буду, не... не бойся меня. И во сне не нападу, обещаю. А после... ну, потом... когда... Ну... привыкнешь, может? И... если не убьют меня...

Она вздрогнула:

– Это... это я не дам сделать!

Мне так тепло и надёжно стало на душе. Как никогда ещё в жизни не было. Никогда моей жизни ничто не угрожало, никто не желал мне зла, я впервые оказался перед лицом очевидного заговора против меня. Как впервые я по настоящему женат, и впервые ложусь спать одной комнате с женщиной, которую мне нельзя тронуть...

...Но заснул он сразу и захрапел даже. Бедняга, умаялся, однако, сначала все эти испытания, а потом я...

Он лёг на лавку, положив под голову подушку и вытянувшись во весь высокий рост, я долго смотрела на него, потом встала и накрыла одеялом из лисьих шкур, подоткнув под спину немного, хоть немного мягче, а то ни ласк тебе, ни спанья... на постели у меня осталось только льняное покрывало, но я замёрзнуть не боюсь, да и натоплено тут щедро – впору окна открывать.

Горница эта большая, просторная, я люблю такие большие помещения, с тех пор, наверное, как приходилось и за печками, и на полатах под самым потолком спать, теперь мне мучительно в тесноте. Я вижу большую печь, выходящую сюда тёплым поддувалом, лавки вдоль стен, накрытые коврами, стол, с красивой, затейливо вышитой скатертью, так вышивают в Пещерном, много коловратов и берегинь. В каждом городе свои привычки в вышивке, всегда можно понять. Стол уставлен кушаньями, между прочим, и вином, но ни он, ни я о еде и не вспомнили, какая еда, когда драка...

Стены изукрашены рисунками, свивающимися ветками, превращающимися в цветы и листья, в птиц, в сказочных зверей. Это удивительный новодел, таких узоров не было в нашем тереме, а ведь это терем в котором выросла и я, и Дамагой, и Белогор. Все комнаты я тут знаю, и узоров раньше таких не было. Это переплетение наших традиций и скотов, вон львы с алатырями, древа жизни и птицы, берегини с орепеями и олени... Удивительно, странно и красиво.

Орлик всхрапнул и повернул голову намного. Совсем он некрасивый, близко не такой, как Яван, но порода одна, и скулы, и лоб высокий, и брови разлётом соколиных крыльев. Но не это в нём главное, в нём сила, как ни в ком, я через комнату чувствую жар, что исходит от него, хорошо, что далеко лежит, я измаялась бы, будь он рядом.

Нет, он... каким я его вижу, а я ошибаюсь редко в людях, такой человек и должен быть царём. В такой момент особенно, когда два народа таких близких и далёких не знают, им слиться или разорвать начавшуюся связь.

А ведь связи переплели уже всех. В наших городах скоты осели семьями, занялись кузнечным делом, другие с торговцами обозы возят, по рекам ходят и выходят в Северный океан. А всего-то несколько лет, даже одно поколение не выросло. Ещё чуть-чуть и землю пахать начнут. Пахали же когда-то, не зря плуг у них и у нас священный атрибут, даже свадебные и погребальные отряды у нас одни и те же, что нам делить?

Орлик отвернулся к стене, выпростав большую красивую, в мышцах, руку поверх рыжего меха. Обнял бы меня этой рукой, я растеклась бы мёдом...

Я перестала смотреть на него, он дышит тише на боку... И что получается, всё изменилось для меня всего за четыре дня. Всего четыре дня назад я думала, что жениха жду, желанного, любимого, синеглазого моего, прекрасного как из сказки, Ванюшу. И что? Четыре дня и я... Не люблю уже его?

Мне стало больно, по-настоящему прямо сдавило грудь, так, что я принуждена была сесть, так трудно мне дышать от этого сдавления. Ваня... Онеги нет больше, вот что. Как только вернулась Авилла, на этом всё и закончилось для тебя и меня.

Я должна послужить царю, защитить его и себя, а значит царство, от тех, кто хитро навязал узлов, в которых намерен удушить и нас двоих и всё царство. Боги меня не напрасно прислали в помощь Ориксаю. У меня предназначение здесь, поэтому мы не поженились с Яваном, Боги управляют. И Яван вернётся к Вее. Хотя бы она проклинать меня больше не будет...

Теперь приглядеться надо. Ко всем. Это всё затеял близкий человек, с самого верха. Таких немного. Я пойму в ближайшие дни.

Это может быть Белогор, он первый, кому выгодна гибель Орикса, Доброгнева тоже, или из его, Орикса, семьи. Явор. Яван... Ваня? Надо понять, кто заговор плетёт, кто голова этому чудовищу, так быстро возбудившему недовольство, нашедшему помощников в том, чтобы так подставить царя, то, что бык не убил его...

За столом могло и не быть яда, я нужна им, значит, надо сделать так, чтобы никто не мог разделить нашей трапезы – одна тарель, один кубок, один нож, которым режут мясо... пусть думают, что мы влюблены как голубки...

Влюблены... Вот я-то влюбилась. Кажется, знаю его всю жизнь, может мы в прошлой жизни встречались? Такой он, какой-то свой, близкий... И жаль его ужасно, всесильного царя, такого юного, наполненного силой до краёв и поставленного кем-то на край гибели.

Он опять повернулся на жёсткой лавке, рот приоткрыл во сне, как ребёнок... Нет-нет, ясноглазый, не сомневайся, я защищу тебя...

Я заснула так, и, глядя на него, данного мне Богами в мужья, и вились в моей голове сны всё об одном, всё вокруг моих размышлений о заговоре. Складывая и перекладывая, будто стежки на ненавистой вышивке или нитка к узелку, узелок к нитке в кружеве: посмотреть, подумать, всех оценить, всех, кого увижу в ближайшие дни. Вы плетёте свою сеть, мы сплётём свою...

Глава 3. Утро вечера...

Я ничего во сне не видел, то есть проснулся я без сновидений, просто от солнца, защековавшего мои веки. И первое, что я увидел, была моя царица на высокой кровати. Она спала, повернувшись немного ко мне, до неё шагов семь... Сегодня, при свете солнца, зимой здесь, на севере, такого редкого, такого желанного и яркого, она, почти не укрытая, всего лишь под простынёй, затканной красными узорами, с волной волос вокруг головы, косу мне отсюда не видно, немного бледная во сне, она такая непреодолимо притягательная... Сколько мужчин вот так смотрели на неё, спящую?..

Я встал, выпить воды, может, отпустит? Обещал ведь ей, не трогать... Я попил воды, отвернувшись, и умылся, но легче не стало... и стояк такой – можно рушник вешать. Что же это такое, со всеми она... а мне – нет? Может, утром... как говорят: утро вечера мудренее?..

Она мгновенно проснулась, едва я опустил на постель, руки не отбросила мои, всё же тонкая какая, сломать страшно... но другие же не сломали...

– Орлик... Орлик, погоди... – прошептала она, выскальзывая из моих ладоней, но хотя бы не дерётся – уже хорошо...

– Чего ж гонить-то... – нетерпеливо бормочу я...

Я забрался под это покрывало ладонями, может кожи, наконец, её коснусь, ещё отыскать под этими тряпками надо, тела-то так немного...

...Ох, нет, нельзя, нельзя... всё любовью мне застит и желанием, если сейчас узнаю его... не надо, Орлик, не спеши, мне ясная, холодная голова нужна...

– Да что ж ты за злюка такая! – прорычал он с досадой, и сел рядом со мной, отшвырнув покрывало, в котором запутался.

– Ты же обещал вчера, – я поднялась, отодвинувшись от него.

Встать надо, чтобы ему соблазна не было...

– Обещал... – проговорил Орлик, – каменный я, что ли?!

– Не обижайся...

Она поднялась, сарафан мгновенно на рубашку набросила, вообще вся скрылась теперь, но как приятно тонка под ним... во, до чего дошёл, тонкость мне её дурацкая приятной стала казаться, я только второй день на неё гляжу, чего дальше будет?..

– «Не обижайся»... ты меня куда, в царёвы «соты» толкаешь? – может быть, заревнует и перестанет упираться? Ведь вижу, чувствую, люб я ей, так чего дурит, ломается?

– Так сходи, коли так тебе приспичило... – говорит-то спокойно.

Я посмотрел на неё, вот даёт... сразу расхотелось идти куда-то.

– Там беременные все, – сказал я, отмахнувшись.

Авила прыснула и расхохоталась весело:

– Ну, ты... жеребец, однако! Прямо все?

– Кто и нет, уже не по нраву давно...

Вот чудная! Ну, и чудная девка! И смех такой, весёлый открытый, смеётся, потому что смешно ей, горлом журчит...

– Сколько же детей у тебя, Орлик? – наклонилась, умыться над тазом.

Я подошёл, взялся за серебряный кувшин:

– Давай солью, что ль?

– Ну, давай, – улыбнулась она мокрыми губами. – Потом я тебе. Так сколько детей там, в твоих «сотах»?

Я пожал плечами:

– Считаю я что ли? – вода полилась ей на руки, она плеснула в лицо себе, с удовольствием фыркая, взяла палочку для зубов. Смотрит на меня, ресницы мокрые, глаза блестят, светят даже.

– Хочешь, попрошу тёплой воды принести? – спросил я.

Она засмеялась:

– Да зачем же? И ледяная хороша.

Прополоскала рот, я подал ей ширинку всю в Берегинях. Она вытерлась и смотрит опять, розовая, глаза сверкают, солнце высвечивает ярко-синие и голубые искры в них.

– Умойся, Орлик, – сама теперь взяла кувшин.

Я послушался, как-то тепло на душе от этого её «Орлика», вчера ещё согрела, после подлостей всех...

Я тоже умылся и забыл, что второй раз, приятно, что сливает, стоит рядом, вытираясь, я гляжу на неё:

– Что ж, совсем не нравлюсь тебе?

Она моргнула, опять краснея, нахмурилась немного, опустив необыкновенно длинные ресницы, прямо к щекам концами...

– То-то что нравишься, прямо наваждение какое-то... С первого взгляда...

Я засмеялся теперь, обрадованный, как никогда, никто мне слов приятнее этих не говорил ещё:

– Не с первого, не ври! Вон дралась, как кошка с барбосом, желвак на бороде.

...Ох, как смеётся он: ой-ёй-ёй, у меня заиграло всё в животе в созвучие... заразительно и весело, и улыбка милая, сразу... мальчишка курносый, да и только...

И она засмеялась тоже:

– Ну и я тебе не слишком понравилась, ругал какими словами.

Понравилась...

– Да и щас не нравишься... тощая да длинная... вроде, и глядеть-то не на что... – я усмехнулся, смотрю на неё, почти глаза слепит мне, – а только... не знаю, прямо глаз оторвать от тебя не могу... глядел бы и глядел... лучезарная какая-то ты... не видал таких я никогда... и... – я вздохнул, опустил голову, совсем теряясь, но нет, посмотрю на неё: – Я... влюбился я совсем, Авилла...

Я дрогнула от этого имени, мёд во мне кристаллами взялся, всё же это имя меня собирает в кулак разом.

Я, почувствовал это, шагнул к ней:

– Ты что? – даже руки поднял, собираясь обнять.

Но она отступила, хмурясь:

– Ты... ты не трогай меня, ладно? Ну... пока хоть... Мне... – она побледнела, глядя мне в лицо глазами, вдруг замерзшими как их Северный океан, – я сейчас холодная должна быть, а любиться станем, оглохну и ослепну, ничего вокруг не угляжу, одного тебя... А я... должна сейчас других рассмотреть, увидеть, откуда тебе в спину стрелу направляют, чей лук натянут.

– Авилла...

– Осторожным будь, – заспешила она. – Тоже зорким, не верь сейчас никому.

– Никому?... А тебе?

Она смотрит мне в глаза открыто и прямо:

– А про меня ты знаешь.

– Я... я ревновать тебя буду.

Она засмеялась, качая головой, за косу взялась, заплетать станет, что и девок не позовёт убрать себя?

– Не будешь. Ревновал разве раньше кого? Привычки-то нет такой глупой, – улыбается, быстро пальцами перебирает пряди. – Ты вот что... На совет, в войско, на охоту, везде меня с

собой бери, считай, я телохранитель у тебя, я твои вторые глаза и уши, вторая голова. Я буду чувствовать за тебя. И сам гляди, всё расскажем друг другу вечером ясно и станет, что тут заварилось. Тогда и подумаем, что делать.

Мы смотрим друг на друга, Ладо ты моё, Ладо... не хочешь имени своего, твоим отцом когда-то проклятого, не буду тебя им звать.

Застучали, заглянули девки, оторвали взгляды наши друг от друга. Я оглянулся, что ж, спальня в нормальном таком беспорядке: одеяло, покрывало на полу валяются, ковёр сдвинут, одна подушка лежит на полу у лавки – моя свалилась... никто не узнает, что я так опростоволосился...

На утреннюю трапезу Авилла и Ориксай пришли вместе, и выглядят так, как и положено молодым супругам. Ну, вот и славно, я посмотрела на Белогора, эту ночь мы с ним провели тоже вместе. И он был этой ночью этой другой немного, немного более безрассудно страстный, горячий и даже как будто злой.... И сейчас не ответил на мой взгляд...

Не ответил. Чёрт меня в болото утащи, если я понимаю, что происходит. Что происходит в этом городе, что происходит между Авой и Ориком, и главное, что происходит со мной.

Прошедшая ночь, во время которой мало кто в городе спал, все гуляли, пили, пели песни, плясали, никто не дрался, вином и блевотиной попачкали к утру снег, не кровью из битых рож, как всю неделю, что нас не было.

А что происходило пока мы ездили в Ганеш за Авиллой, я расспрашивал моих жрецов их помощников и помощниц, жрецов Луны, всех, кому доверял. И понял, что тут вызрел заговор. Кто-то вознамерился устранить Орикса, ничего вчера мне не показалось: чрезмерные испытания, которые ему пришлось преодолеть, настоящим сыном Бога Солнца надо быть, чтобы пройти их...

Я размышлял над тем, кому это надо было бы – прикончить молодого царя и чтобы Авилла при этом оказалась одна на троне, ведь не убили и не пытались убить его раньше, за сорок дней траура никаких драк и ссор между северянами и скелотами не было, а тут вдруг настоящий бунт, ведь в раж входить начали, прямо возжаждали прилюдной гибели Орикса. То-то вопили, когда он быка этого циклопического удавил...

Он, конечно, всем показал силу, причём больше силу духа, нежели тела, справившись со всем этим, и обыграл, не догадываясь, возможно, своих врагов.

Не догадываясь?... Он не глуп...

Кому выгоден этот заговор? Мне больше всех. Даже не будь того, что у меня в душе сейчас, мне больше всех было бы выгодно, чтобы Ава одна осталась на троне. Со всех сторон.

Но я не устраивал этого заговора. Значит тот, кто устроил, и меня под удар подводит, меня и обвинят во всём, если убьют царя...

Кто и зачем вот так устраняет всех вокруг Авы? Я посмотрел на Доброгневу. Надо это обдумать. Она умная, очень прозорливая и хитрая, и если заподозрит меня в отношении к Авилле... но даже, если не заподозрила уже... а если не будет меня, кто останется Аве самым близким человеком?

Скажет, бери Явана, она – наиглавнейшая женщина царства, исполнительница тайного желания царицы... Да... я недооцениваю, пожалуй, Доброгневу...

Но если не она? Всё же она отсутствовала вместе с нами в столице и казалась искренне удивлённой происходящим. Но она и притворится, с неё станет, да и вообще... Это Аве могло показаться, что Доброгнева совсем уж под мою власть подпала, не так она проста, чтобы как любая баба от пары жарких ночей совсем уж забыться.

И всё же, если не она?

Яван? Яван... он в обморок упал, когда Аву отдал, кто бы мог подумать... Нет, он может быть инструментом, но чтобы он задумал... Да и не знал он, кто такая его Онега. Сколько он провёл в Ганеше, давно бы...

Как давно бы? Пока Великсай был жив, отдавать Аву Орику не имело смысла, жди, пока они на трон воссядут... Нет-нет, всё связано, все до одного события... Кто воспользовался естественным течением? Яван как раз мог. Умнейший, к тому же Ава вся его, кто ещё... Но искренне надо было разыграть всё.

Да-да. Не понять, кто такая Авилла мог только тот, кто никогда не слышал, что на Севере была царевна... при одном взгляде на неё ясно, что она царско крови, а дальше всё складывается как надо: он соблазняет её, что ему стоит, опытному красавцу...

Неужто она не простит его, как только он явится пред её очи, простит, все женщины прощают. Расчет вернейший...

И всё шито-крыто, он станет при ней царём, он – царской крови, кого ей и взять в мужья, если я – преступник. Меня под секиру. Яван... Значит Яван...

Но если и не он? Кто тогда? Сама Ава? Могла и она. Очень даже. Ей, как и мне, это самое выгодное дело. И она способна, я вчера убедился, она не только повзрослела, она силы набрала такой, что не сломит её ничто. И в ум силы, и в душу.

Одно противоречит этому моему подозрению: воркуя с молодым мужем сейчас, которого вчера и видеть не могла, не даёт ему ни крошки, ни капли съесть и выпить из его кубка и его тарели, вроде шутя... поняла всё, яда опасается. Говорю же – голову вырастила, и глаз зоркий... Но если бережёт его, стало быть, не её умысел во всём этом?

Или ещё хитрее игру затеяла? Вчера ещё Явана любила, а сегодня... Кого она обводит вокруг пальца? Научилась в скитаниях своих, что ей любого мужчину с ума свести, я едва в комнату вошёл, тут же и свалился. Это я, лёд и камень...

Ох, лёд и камень... чёрт подери... В эту чёртову ночь я не мог не видеть Авы перед мысленным взором, когда был с Доброгневой... Как безумец...

Этот разговор наш с Авой по дороге из Ганеша... он затянул меня в страсть к ней больше, чем её красота в сотню раз... как в омут, не выбраться... и прилепило к ней, я хочу поскорее остаться с ней наедине, чтобы говорить и говорить... Слышать голос, задавать вопросы, отвечать на её, пробовать понять, как она смотрит на мир, чего она хочет, что она знает, чего не знаю я. Понять, какой она стала... не могу не хотеть её. Из-за этого вот, больше всего, из-за того, что она оказалась такой сильной, такой... чёрт, как вечный хрусталь, что привозили из дальних плаваний – прозрачный как обычный горный хрусталь или лёд, но играющий тысячами огоньков и не бьющийся и не ломающийся ни от чего, хоть молотами кузнечными его бей, молот раньше треснет...

Что происходит этим утром за этим столом, где мы все смотрим на молодых супругов, близко-близко сидящих друг к другу, почти неприлично, будто за ночь не натешились, и вкушающих пищу и вино из рук друг друга...

Я ревную как последний идиот, сам привёз её ему, а теперь крошу зубы от злости, не в силах даже есть.

Стоп! Взгляд Явора... один-единственный в их сторону, невзначай, будто из под тяжёлых век... Явор?!

И он, будто волну моего удивления почуяв, проговорил:

– Может быть, охоту поднимем, а, Ориксай? Самое время...

– А что же, можно...

Можно... Явор... Явор Мудрый.

Я поймала взгляд Бела. Он видел, и он про Явора понял! Ясно всё... только теперь надо, как на болоте. Пришлось мне однажды идти одной, заблудилась и попала в трясину. Только то, что я всегда была лёгкой телом в первые же мгновения спасло меня, а потом включилось

соображение, и я, спокойно оглядевшись вокруг, углядела за какое деревце смогу ухватиться, чтобы выбраться...

Стало быть, Бел не заговорщик, сразу легче, что он, именно он, мой дорогой Бел не злодей! Вот он и есть моё деревце! А ты, Явор, попался. Вот только надо понять, кто ещё с тобой, иначе всё напрасно, и деревце не спасёт, на голову наступят и утопят...

После трапезы я попросила Явора остаться. Он побледнел слишком румяными щеками, что тоже свидетельствовало в пользу моей догадки.

– Тебе зачем дядя мужнин? – спросил, вроде играя, Бел, но он взволновался, боится, что я выдам себя.

– Я, Белогор-кудесник, кое-чему на Солнечных дворах ваших научилась, хочу поговорить о здоровье дорогого дядюшки, – улыбнулась я.

Но Бел смотрит всё же напряжённо, глубиной своих глаз, тогда, подходя к нему, я сжала его запястье, но продолжила говорить игриво, глядя при этом в глаза Белу, так, чтобы он понял, что я вовсе не собираюсь раскрываться:

– Ты сам великий лекарь, Белогор, останься, проверь мою догадку? Или?

– И давно ты на Солнечном дворе помогала? – Бел говорит совсем не о том, что думает...

– Пять лет. Жрецы ценили меня.

Мы с Белом смотрим друг на друга. Твои глаза, Бел, я все эти годы не вспоминала их, потому что не надеялась увидеть никогда... Ну, же, Бел, прочти мои мысли! Ты сможешь. Кто другой не сможет, ты сможешь...

– Ладно, царица, зайди после беседы вашей, поделись, до полудня время есть... – Понял, слава Богу...

А я не понял. Я смотрю на свою мудрёную жену, Солнечный двор? Как это понимать? Она из лекарских помощниц? Почётное занятие... не каждую берут, отбор проходят помощники и помощницы жрецов Солнца. «Жрецы ценили»... чё?! И на чёрта ей Явор?!

С Белогором так смотрят... не будешь ревновать... да я щас чокнусь уже от ревности! Явора зачем-то в оборот берёт, Белогора за руку держит, и стоят так близко, в глаза глядят друг другу... Конечно, он с детства её знает... Её семья в общем-то...

Но Доброгневе это тоже не очень нравится, похоже, она нахмурилась, бледнея, глядя на Белогора и Авиллу. Она-то... или... Что-то с Белогором у неё? Два жреца главных... а если они против меня объединились?..

На воздух выйти надо. Подожду телохранительницу мою на воле...

Виновен! Всё, попался ты, Явор, виновен! Но только я ничем не должна показать, что держу тебя за хвост, всего зверя надо поймать и весь замысел оценить...

– Ты нездоров, Явор, – спокойно сказала я, глядя внимательно в его голубые глаза, немного выкаченные их орбит. – Что ты так смотришь, испугался чего? – я улыбнулась и подошла ближе. – Позволишь? – я тронула его кожу: так и есть очень сухая, ломкая даже, как пересохший у очага пергамент.

Явор поднял глаза на меня.

– Воды много пьёшь? – спросила я.

– Очень? Измучился с этим... – растеряно признался Явор. Другого разговора ждал, вот и напугался... Вот и хорошо, бойся, мне виднее нутро твоё так.

– Особенно, если много сладкого ешь?

– Да. Тогда вообще...

– Кожа зудит? Бывает такое?

– Так.

– Давно это с тобой?

Он задумался на миг:

– Да... года с полтора, может два...

– Ясно, сахарная болезнь у тебя, Явор. Ты перестань сладкое есть. И ещё: трав дам тебе и скажу, как пить, здоров будешь. Только пей каждый день по солнцу, иначе опять будешь болеть, понял?

Он изумлённо смотрит на меня:

– В самом деле, вылечусь?

– Не веришь? Через месяц скажешь, лучше или нет, – я улыбнулась.

Вот и хорошо, врагов надо держать поближе, чтобы каждый их шаг видеть и предполагать.

Он улыбнулся, совладал с собой, играет отменно. Кто же с тобой ещё, Явор Мудрый? Я похлопала его по руке.

– Выздоровливай, дядюшка. Айда на улицу, солнце сегодня, охоты хотели, меня возьмёте? Давно в седле не сживала, – я смотрю на него как можно более невинно.

Явор поднялся, высоченный, как все они в этой семье. Улыбается по-прежнему, смотрит на меня, буравя глазами:

– Стало быть, понравился тебе Ориксай, вижу, ладили вы, – он, явно любопытствуя, разглядывает на меня.

– Женщина что кошка, кто ласкает, к тому и льнёт... – ответила я. – Мне какой тут ещё путь, меня не спрашивали же, отдали мужу и всё, а... от царицы любви не требуют. Так ведь?

– Так. Требуют верности, – сказал Явор, продолжая вроде улыбаться, но сверлит меня жгучим взглядом.

Вот-вот, говори ещё, Явор Мудрый, моего умишка мало, чтобы понимать, что ты затеял, я улыбнулась простодушно, но, очевидно, что он... Он знает о нас с Яваном. Вот что. Он его козырем держит... его козырь против меня. Хорошо. Хорошо, что я знаю это теперь... вот только откуда он о Яване узнал? Или они вместе затеяли всё это...

Вместе? Не может быть, чтобы вместе... Яван искренний человек, он иначе вёл бы себя. Не представляю, чтобы он хладнокровно меня использовал...

Мне всё яснее мой путь и те брёвна, из которых я построю стену вокруг Орлика.

Мы вышли на крыльцо, пар поднимается от дыхания, сильно подморозило со вчерашнего дня. Орлик обернулся к нам, удивлённый немного и растерянный слегка, шапка, отороченная белой лисой, отбрасывает солнечные блики на его лицо, как и воротник тёплого кафтана. Силится понять смысл происходящего. Нет, не я буду строить, мы с ним вместе. Всё рассказать ему надо. Он узнает всё о Ване, но должен узнать от меня. Иначе... «буду ревновать» – это может порушить всё, главное, его доверие. Главное между нами... Всё началось между нами с доверия.

Я вижу её чудные горящие глаза. Она рядом с Явором такая... Он огромный, в два раза, будто больше неё. Что-то важное произошло, её лицо... Она улыбнулась, но глаза горят огнём, не улыбкой.

– Жрецы ушли наши? – спросил Явор.

– Полдень скоро, – сказала Авилла. И продолжает смотреть на меня сверкающим взглядом.

– Охоту поднимаем? – спросил я, глядя на Авиллу. Она не против.

Мы с Доброгневой, сопровождаемые, как и полагается младшими жрецами, трое с её стороны, трое с моей, идущими позади нас в почтительном удалении, направляемся в сторону наших дворов, развилка за площадью, мне на юг, один квартал, а Неве на окраину. Двор Луны в отдалении от жилых кварталов.

– Ты знала, что Ава помощница лекарей? – спросил я.

– Странно, что ты не знал, – усмехнулась Доброгнева. – Впрочем, после того, как она уехала в Озёрный, я тоже потеряла её следы. По-моему, Авилла... они влюбились, что ли, с Ориком? Как это может быть? За одну ночь?

Я засмеялся:

– Ну, полагаю, влюбиться можно и за миг, а уж целая ночь... – я не хочу думать о том, что было у них этой ночью. Как они там... влюбились.

– Она ещё сутки назад и глядеть не хотела в его сторону. Что же, Яван...

Мы остановились, и наши сопровождающие, лунные жрецы в расшитых серебром белых одеждах, солнечные – в затканых золотом, красных.

Он нахмурился, бледен и недоволен чем-то, что с ним?

– Ты... ревнуешь её? – спросила я.

В людях, особенно в нём, я не вижу, люди, их души для меня не то, что видеть будущее и страшное. Я чувствую опасность для Авиллы, я чувствую, что что-то произойдёт, не совсем так, как затевает Белогор. Я слишком влюблена в него, но при этом я не обольщаюсь на его счёт. Он и не думал влюбляться в меня.

Он... если он ревнует Авиллу... невольная злость забулькала во мне. Я не привыкла делить своё имущество...

– Ревную? – он посмотрел мне в глаза. – В известном смысле. Она... я не ожидал увидеть её такой...

– Какой? Такой красивой? Она всегда была красива, – Доброгнева смотрит на меня так, будто хочет пронзить лезвиями своих глаз. Но ты не Авилла, не прочтёшь во мне... Она Явора раскусила с одного взгляда. Не ошиблась бы только с тактикой...

– Взрослой, – ответил я. Ава права, надо быть осторожным с Невой. Её участие в заговоре очень вероятно. Я открыто смотрю в лицо своей любовнице, которая не доверяет мне, которой не доверяю я. Она стала моей союзницей на время, но не хочет ли подмять под себя? Прощупывает, насколько я заинтересован в Авилле, чувствует, конечно, как много изменилось за последние дни.

Глава 4. Охота

– Орлик! – она почти вбежала в спальню, куда я вошёл первый. Оглянулась по сторонам, плотно прикрывая дверь за собой.

– Здесь я, Ладо, ты что такая? – ответил я от печи, к которой прижал ладони, от волнения застыли на морозе без рукавиц. – Что такого сказал тебе Явор? Он...

– Он, Орлик! – воскликнула она, сбрасывая шапку. – Только ты...

Я смотрю на неё, я верю ей. Но как же так?!

– Дядя, родной отцу брат! Моей крови хочет... Волки, волки кровожадные... – сердце зашлось от злости, я ей верю. Удивительно, но как никому верю.

– Вот тут прав ты. Волки, не волк, не один он!

– Ясно не один. Кто с ним? Белогор?

– Нет-нет! – у неё округлились от страха глаза. – Всё это и против Белогора тоже...

– Это потому, что он... он...

– Бел... – она вздохнула, переводя дух. – Орлик, ты сядь, я должна... сказать тебе, только ты обещаешь не яриться... Не держи сердца на Белогора, он не злоумышляет против тебя, и это не потому я говорю, что он был мне женихом когда-то...

У Орлика вытянулось лицо:

– Женихом... Он не говорил мне...

– Я думала, ты знаешь. Все всегда это знали, – проговорила я, думая, что ведь тех, кто это знал, почти не осталось. Ну, горожане, простые северяне, да, но Орлик не обсуждал же с ними свою невесту.

Он нахмурился, его эта новость оцарапала немного.

– Поэтому вы так... так близки с ним?

– В Солнцеграде ближе него у меня до вчерашнего дня никого не было.

Мне не надо спрашивать, кто стал теперь ей близок, потому что и у меня никого ближе неё нет. Близость не бывает с одной стороны, она всегда обоюдная.

Я сел на край постели, мягко провалившейся подо мной: тюфяк пухом лебяжьим набит, как и большие пышные подушки. Авилла взволнована не на шутку. Из-за Белогора? Чего я не знаю о них? Что она так волнуется и что такого важного хочет сказать? Стоит, стиснув руки, пальцы сдавливают друг друга, беспокоятся, тонкие длинные пальцы, золотое кольцо брачное придавила, суставы побелели... почему ты так взволнована, Ладо? Мне стало не по себе от её волнения.

– Ты всё обо мне должен знать, мы должны стать с тобой одним кулаком, чтобы никакие недосказанные тайны не вышли наружу и не раздавили нас...

– Вы любовники с ним? – похолодел я.

Ах, ты, Белогор! «И у меня бывают вечера, отданные...», уж конечно! Вот мерзавец!

– Любовники?... Любовники... только не с ним, нет-нет... совсем не о нём речь, – она опустила голову, серьга зацепилась за тонкий локон, выбившийся из причёски...

– Не понимаю ничего... – растерялся я, говори уже, что ли!

– Яван Медведь, твой дядя, он был моим... Яван и я намеревались пожениться ещё... до смерти Великая.

– Что?! – я подскочил с постели.

Что же это такое, будто громадный меч машет надо мной, слева, справа, проносится над головой, рассекает воздух со свистом, рубит все мои связи. Как ветви у дерева отсекает моих кровных родичей...

– Ты узнал бы, – она отступила на шаг и взглянула на меня, хмурясь, и глаза громадные на пол-лица. – Это хотят использовать против меня и Явана. Теперь, когда ты знаешь, теперь это тупое оружие.

Я смотрел на неё, стоит рядом, голову снова опустила, смущаясь всё же. И щёки покраснели... я не могу не спросить:

– Много... много было... как он? Кто... с кем ты...

Она подняла голову, соврёт? Конечно, кто честно говорит о таком?..

– Любила его? – кровь прилила мне к лицу, к шее...

– Любила, да... – произнесла она уверенно и без извинений уже.

– Поэтому... – ох, меня душит, душит жар из груди, поднявшийся к горлу, я еле говорю, – поэтому... не хочешь меня... И сейчас любишь?

Ох, Орлик... Не хочешь... ты вот в шаге стоишь, а я твой жар чувствую и хочу прильнуть к нему, хочу, как ничего другого... А «любишь»... разве я могу объяснить? Самой себе не могу. Я не знаю... Люблю... Но как только вспоминаю его холодные глаза: «Я – сват», всё закрывается во мне, всё, что когда-то так щедро распахнулось ему навстречу.

Ничего я о любви не знаю.

Орлик коснулся серьги в моём ухе, пальцы запутались в волосах, выпавших из затейливой причёски, хотел убрать руку, но мои волосы будто удержали его ладонь и он к шее под волосами продвинул её, тёплая ладонь, гладкая, касается так легко... пальцы подушечками легонько под затылком...

– Вот беда-то, Ладос... Беда...

Она подняла глаза на меня. Ещё сутки назад я даже не знал тебя, а сейчас дышать свободно не могу... может, отпустит когда?

Он отошёл от меня, не стал ни целовать, ни касаться больше...

– Царь, Орикай! Кони под сёдлами, только вас ждут все! – стукнули в двери.

Мы влетели на царский двор как раз, когда охотничья кавалькада собралась, и наверху крыльца показался Орик в тёмно-синем коротком кафтане, отороченном чёрным мехом, а за ним, отставая на две ступеньки – Онега.

Я опоздал. Сразу понял, что опоздал: она царица. Даже наряд... После её чернушкиных Ганешских одежд, этот сияет вышивками, нашивками бусин, и множества мелких золотых бляшек, по нашему и их северному обычаю. Шляпка тоже расшита жемчугом и золотом, что так идёт к её волосам, большие серьги качаются согласно движениям головки, а волосы вплетены множество золотых же шнуров и заколок, так, что они переливаются, широкий золотой пояс, на нём два кинжала в богатых ножнах, на ногах расшитые камнями сапожки... браслеты, колты от висков, сложная золотая гривна вокруг шеи поверх собольего ворота красного кафтана... Как ещё может выглядеть царица сколотов и Великого Севера?..

– Дикарка-то наша... и-и-и... ой-ёй... – выдохнул Лай-Дон, пихнув меня локтем в бок. – Аж дух захватывает, а, Медведь?.. Ты чего?..

Лай-Дон не видит того, что вижу я: она царица, они женаты, я опоздал. Несмотря на скачку бешеную эту, опоздал... Опоздал... И ещё больше увидел я: Орик, увидав меня, не улыбнулся приветственно, нет, он повернулся к Онеге, нет-нет, Авилле и подал руку ей. Она приняла её, его принимает, Авилла-царевна, единственная оставшаяся из царских потомков Севера.

Она... Онега... нет, ты Авилла, но увидев меня, на миг стала опять Онегой. Пока Орик не взял её за руку.

– Яван, с приездом! – это голос Явора... Откуда? Я его даже не вижу... – Наш царь, наконец, взял царицу себе. С утра мурлычат, как кошки в марте...

Я обернулся к нему, Лай-Дон не слышит его слов, как зачарованный всё смотрит на Онегу...

Я посмотрел на брата. Явор глядит очень многозначительно... Чего ты хочешь, Явор? Чего вы все хотите от меня?.. Я всё потерял, всё... Её и не было никогда, моей Онеги, было странное наваждение... моя жизнь превратилась в наваждение...

Между тем, Ориксай и Авилла спустились с лестницы уже вниз, я спешился, как и остальные.

– Вот, Яван, царица моя, Авилла, – Орик задрал подбородок, представляя мне жену.

Мы с ним одного роста, но мне казалось, что он выше меня – царь передо мной...

– На свадьбу ты опоздал, вон только следы празднеств на снегу, да то, что сегодня не работает никто и даже лавки все закрыты до сих пор... – проговорил Ориксай, пронзая меня взглядом.

Я поклонился:

– Самая прекрасная царица прекрасной земле и народу, – ответил я, глядя в глаза Ориксаю.

Он принял мои слова с холодным равнодушием.

– На охоту едем, ты... Али устал с дороги, гость дорогой?

– Я не гостем, я совсем вернулся.

Ориксай долго смотрел, сверкая глазами, сейчас похожими на лезвия акинаков, но всё же усмехнулся:

– Что ж, занимай прежние покои, никто вроде пока не обжил их.

Я не поехал с ними на охоту, конечно. Безумная скачка в пустоту. Я даже подойти к ней не могу... что подойти, даже смотреть. Именно это и внушал мне Явор, пока я мылся в бане, Лай-Дон поливал водой каменку, горячие клубы заполняют парилку.

– Соблазнить царицу – это... Даже, если это было до их встречи... Что сделает с тобой Ориксай, если узнает, кто взял невинность его жены? – густым голосом, похожим на мой собственный, говорит он.

– Он узнает... – пробормотал я. – Ты откуда это знаешь? – спросил я, сделав упор на «ты».

– Разве важно? Знаю. И... Ты же понимаешь... – его большие, выкаченные глаза горят в полумраке бани. – Но, Яван, есть выход. Для тебя... Для Авиллы. Она любит тебя? – он внимательно смотрит на меня.

– Ты что хочешь? – я смотрю на него. Я его слышу-то с трудом...

– Пока ничего, – Явор погасил свой взгляд, ей-Богу уже хочется кулаком по этим рачьим глазам его садануть... Но он продолжает: – нам не удалось лёгким путём, как задумывали, избавиться от него, попробуем ещё. Ты главное скажи: ты с нами?

– С кем, с вами? – устало спросил я.

– С теми, кто хочет Авиллу видеть на троне своей царицей, без своеволия Орика... Твою невесту, которую он забрал себе. Твою... любовницу, Яван.

Я долго и терпеливо слушал его, его слова вливались мне в мозг, образуя там отравленное болото. Но он напрасно старался, я устал, а главное, я опустошён, я не могу даже думать о том, что он говорит.

И только, когда мы с Лай-Доном возвратились в мою прежнюю горницу, когда меня, почти без сознания, он заботливой дружеской рукой укрывает одеялом, я понимаю, что меня втянули в заговор. Потому что Лай-Дон сказал мне это:

– Медведь, я понимаю тебя как никто, наверное... ты, конечно, сам решишь, не моё дело даже... указывать тебе... – Лай-Дон бледен, нахмурился, глядит остро, потемневшими глазами, – но поговори с Онегой вначале. Орик всё же...

До моего сознания начало доходить... Заговор против Орика?! Против нашего Орика?! До похорон Великая меня не было в столице почти два года, слишком долго? С ума Явор сошёл? За сорок дней траура я не заметил ничего подобного. Или я с ума схожу? Убить Орика?..

В открытом поединке я мог бы, наверное, особенно после этого сегодняшнего задранныго подбородка. Но вот так...

Онега... полтора года как сон, как дар, бесценный и... потерянный? В моём сердце ты и я на берегу холодного озера, в твоей холодной комнате, в домике на окраине Ганеша с промёрзшими сенями... Я никогда злодеем не был, а теперь... Но когда я что-нибудь терял? За всю жизнь я только получал...

Онега... Авилла и Онега не один человек?.. Почему я вижу новую женщину, иную, не странную мою задумчивую Онегу, а настоящую царицу, не смущённую моим появлением?

Онега... Ты так хотела царицей быть? Поэтому и не понесла от меня? Поэтому и замуж не шла? Будто знала... Будто готовилась.

Бред... От усталости безмерной, вероятно, я думаю так.... Ведь я знаю, что любила меня... Ни в чём другом я не был так уверен. Любила. Любила...

Или не бред? Сорок дней не было меня с ней. За это время не то, что заговор можно сплести, царство завоевать, перевернуть, можно. Колоксай взял Великий Север в три седмицы. Мы изгнали его скотов за десять дней.

Онега могла бы задумать против Орика? Онега может. Авилла, полагаю, тем более. И к Орику она никогда не испытывала никакой симпатии. Да что там к Орику, ко всем нам, скотам... И даже не скрывала этого. Хотя, слушая мои рассказы о семье, об истории нашего царства, как мне казалось, она прониклась искренним интересом ко всем нам. И симпатией. Говорила об этом: «сильные люди вы и с искрой».

Но может быть, этот интерес совсем не от чувств ко мне происходил, а потому что дальновидная и умная, она не могла не изучать врагов... И меня могла хладнокровно использовать, заранее задумав всё это. Могла! Умнейшая, скрытная, хладнокровная, книг полный сундук. Разве такая не могла...

Но почему я не чувствовал второго дна? Почему я чувствовал только любовь? Хотел только это чувствовать? Я хотел видеть и чувствовать только это.

Стоит рядом с Ориком на лестнице. Прошла ночь с их свадьбы, слишком поспешной, скорой... Спала уже с ним... Спала с Ориксаем... уже не моя...

Поговорить с Онегой... Онега... ты не подпустила бы никого к себе... Если Авилла задумала этот заговор, использовала меня, использует и его. Женщинам легко манипулировать нами, особенно, таким как она. Использовала меня, но для чего? Этого я не понял... И что мне делать тогда с этим?..

Волк пришёл убивать её. Может быть, она и с ним вела какую-то игру, о которой умолчала? Сделать то, что сделал, он можно только во власти самых сильных чувств.

Чего бы она ни захотела от меня, я сделаю всё для неё. Понимает она это? Не сомневаюсь. Поэтому ничем при Ориксае не показала, что взволнована нашей встречей... Она не взволнована. Она ожидала её.

Ожидала. Но не так скоро. Я не думала увидеть Явана именно в этот день. И если бы Орлик не подал бы мне своей руки на лестнице... Как хорошо, что я всё рассказала ему о нас с Яваном. Только так – ничего не скрывая друг от друга, и можно жить. Только так мы и выстоим с ним. И не только перед этим заговором, думаю.

Но как больно было увидеть это изумление и, судорогой прошедшее по лицу Явана, разочарование. Как тоска сковала его черты. Сорок дней и ещё восемь и...

Любили мы друг друга? Если да, то почему со вчерашнего дня я чувствую себя неотъемлемой частью Орикса, моего Орлика? Яван своим отказом снова Авиллой меня сделал? Авилла не знала Явана и любви к нему. А Онега умерла в тот момент, когда он сказал: «Я – сват»... Но так ли всё? Так ли?

Мы скачем по ослепительно белому лесу, раскрашенному искорками от яркого солнца, скачем, отбрасывая шайбы снега из-под копыт наших лошадей, несёмся во весь опор, будто в скачке этой безумной спасаясь от орды обступивших нас врагов.

Авилла впереди, я за ней, мы позабыли, что мы на охоте и оторвались от всех. Она скачет, а я лечу за ней, юбка полощется по бокам и крупу серого в крап коня, косы с золотыми украшениями плещутся по спине, она ловко уворачивается от низко нависающих веток. А я думаю, что совсем скоро ночь...

Шапочка слетела с её головы в снег. Я остановился, поднять, без шапки простынет она, мороз всё крепче. Она остановила коня тоже, повернула, от лошадиной морды валит пар, конь раздувает ноздри. Где тут охота? В рога трубят где-то близко... Ни Яван, ни Явор не поехали.

Авилла перекинула ногу через луку седла, собираясь прыгнуть в снег, я подоспел:

– погоди, я поймаю!

– Я сама могу.

– Ясно, можешь. Боишься? – засмеялся я. – Снег, мороз, лес кругом, не стану я...

Она засмеялась, но подождала, я поймал её, неожиданно лёгкую в свои ладони, тоненькая и гибкая талия в моих руках... и такая она настоящая... приятно держать её, сжимать, не опуская в снег...

Её конь, смирный, умный, стоит спокойно. Её волосы скользнули по его серому боку... я склонился... чуть-чуть и губы... вот губы... что ты, Лад, поцеловать тоже нельзя?.. Лад... Лад, позволь... Ну, позволь... Я почти коснулся...

В этот миг почти ослеплённая его близостью, я заметила какое-то движение у него за спиной и мгновенно отрезвела, ещё не зная, что там, я сильно оттолкнула его в сторону... Так и есть – лучник, и стрелу в него пустил... В спину, как предатель, вот подлость... В спину человеку, обнимающему свою жену... как поднимается рука?..

Стрела попала в лошадь, воткнувшись в бок, от чего конь мой заражал, брыкнул, вторая... третья... стреляет на славу, очередью, выпуская одну стрелу за другой, и деревья не помеха ему, а я без лука и Орлик тоже, на сёдлах остались, охотнички...

Но он обернулся уже и метнул нож в стрелка, промахнулся, нож с раскачкой воткнулся в ствол берёзы... Но хотя бы лучник убежал.

Я обернулся к Авилле. Её конь, раненый и разозлённый этим, взбрыкивая, убежал. Но... я увидел не это... ужас... ужас... Я не пугался так ещё ни разу в жизни. Это кошмарный какой-то сон?

Крови не видно на её красном кафтане, но огромная стрела с обычным чёрным оперением торчит у неё из бока, почти под мышкой. Она ещё стоит, ещё не упала, качнулась только...

– Ты... – я бросился к ней.

Да не может быть! Что же это такое?!

– Ты... Орлик... не бойся... – бледнея, прошептала она, позволяя обнять себя, – не бойся... Это... не страшное... рана не опасная... ты... стрелу только... стрелу не трогай... не трогай – хлынет кровь... – на губах как помада блеснуло алое, прямо посередине. Она почувствовала, поморщившись, вытерла тылом ладони, посмотрела и сказала, чуть-чуть шипя: – К Белогору вези, он... он, заговорит, он такое... умеет, я видала, ещё... давно.

Стараясь не беспокоить стрелу, я посадил на своего коня мою царицу, но она вот-вот свалится, я спешу забраться в седло, чтобы удержать её.

– Лад-Лад, ты... ты только... – мир никогда ещё не чернел так передо мной...

– Не помру... не бойся... ты не бойся, Орлик... – совсем неслышно прошептала она, и смотрит, улыбаясь при этом, а кровь к краю губ, к углу, сейчас на подбородок... Между ресниц чёрно-синий и светло-светло голубой свет... – Орлик мой... ещё... тебя...

Мороз прихватил ветви, остренькими красивыми белыми меховушками окутал все деревья на Солнечном дворе, всё теперь оделось в шубы, не только люди и звери. Прилип иней и на стены домов, высоких изукрашенных теремов, где живут жрецы. И пониже, где помещаются помощники и помощницы. Статуя Бога тоже «поседела», но сияет светлым золотом, отбрасывая дополнительный свет на всё вокруг, белое обрамление, подчёркивающим выпуклый рельеф древнего изваяния. Даже борода у Бога Солнца кажется снежной, будто поседела и борода у златовласого... Я улыбнулся этой мысли.

Подходит день Весеннего Равноденствия, лучшее время для обряда встречи Солнца, для открытия пещер. Три седмицы до того... период, когда можно открыть пещеры длится всего от Весеннего Равноденствия до Летнего Солнцеворота, когда солнце пойдёт на убыль. И чем ближе к лету, тем меньше его сила. И чем ближе в лету, тем выше вероятность, что Ава понесёт от Орикса. У него с этим не застоит. Значит, мне не должно терять времени. Надо обсудить это с Авиллой. Ей участвовать в этом обряде. Тяжёлом, и требующем полной отдачи. Человек должен быть готов к этому. У неё есть ещё время.

Но этот проклятый заговор, как это мешает всему! Всему моему замыслу. Всему грядущему и предвкушаемому мной процветанию и расцвету Севера. Пусть со скелетами, они близки нам во всём, они потомки наших предков, не чужаки. Как свежая кровь, они, видно нужны были Северу, они вернулись, чтобы разрушить прогнившее и поддержать новое. Возродить то, что должно быть возрождено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.